

Андрей Михайлов



**КАК МЫ ЖИЛИ
В СССР**
ЗИМОЙ

Андрей Михайлов

Как мы жили в СССР. Зимой

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63523011
ISBN 9785005193131*

Аннотация

Книга, которую вы держите в руках, дань прошлому. Долг перед страной и родителями, которых больше нет, и временем, которое вовсе не было таким, каким его принято ныне малевать. Как мы жили в СССР? На этот вопрос и отвечает автор, отталкиваясь от собственной жизни и опираясь на свои воспоминания. Книга иллюстрирована уникальными снимками из авторского архива.

Содержание

Несколько слов «на посошок»	5
Что мы знали про Сталина?	7
Вы выбирали – вас выбирали	13
В очередь!	16
Почтовый пакуется груз	25
Почтальон – он?	30
Когда все дети знали, кем станут повзрослев	34
Предновогодняя пора: когда хлопоты в радость, а не в тягость	41
Пришествие Наполеона	46
«Оливье» и пр.	50
«Заливная рыба», «заварное тесто» и прочая классика жанра	57
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Как мы жили в СССР Зимой

Андрей Михайлов

*Серёге Возовикову, Паше Винокурову, Ване
Водопьянову, Толику Виницкому, Сергею Вагину.
Друзьям, которых уже нет рядом...*

Иллюстрации Архив Андрея Михайлова

Фотограф Андрей Михайлов

© Андрей Михайлов, 2022

© Андрей Михайлов, фотографии, 2022

ISBN 978-5-0051-9313-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Несколько слов «на посошок»

В рамках этого проекта мне хочется вспомнить жизнь 60-80-х годов прошлого века. Когда СССР, оправившись от последствий социальных проектов эпохи Ленина-Сталина и восстановившись после Великой Отечественной войны, наконец-то получил четверть столетия для более-менее нормального развития. Как и чем жил тот народ, который окружал меня в те годы, я и попытаюсь очертить.

Моё детство, да и большая часть юности, связаны не с Москвой и Ленинградом. И даже не Киевом. А с самой удалённой от них столицей «республик свободных» – Алма-Атой. Если ещё точнее – с Научным городком казахстанских физиков, посёлком Алатау, в котором располагались два института Академии Наук Казахской ССР. Институт ядерной физики (с атомным реактором!) и Институт физики высоких энергий (с ЭВМ «БЭСМ-6»). Там и работали в основном наши родители. Ну а мы, их дети, учились в местной школе (СПШ №21).

Однако отдалённое географическое расположение наших весей не должно смущать гордого книгочея из Европейской части бывшего СССР. Мы все тогда жили в одной стране, по одним законам и обыкнове-

ниям. Одними мечтами и чаяниями. В едином порыве строили... Кто думает, что это было не так, пусть бросит в меня камень! Тем более что в условиях тотального интернета это не сложно и абсолютно безопасно.

Что мы знали про Сталина?

В начале декабря в СССР мелькал самый невразумительный и неоформленный праздник – **День Конституции**. Утверждён он был ещё в 1936 году. Однако в наше время никто уже не называл принятый тогда Основной закон «Сталинской Конституцией».



Детсадовцы 1960-х. Тут стоит и будущий гендиректор Национального ядерного центра.

Про **Сталина** мы почти и не вспоминали, особенно молодые. Да и старики предпочитали хранить молчание. По крайней мере, я не припомню, чтобы мне попался тогда хоть один «упёртый сталинист». При этом мы всё ещё обитали в окружении тех, кто пару десятилетий кряду и жил и умирал с именем Сталина (или от имени Сталина). Но кто знал – помалкивал, а «Архипелаг» **Солженицына** в СССР не издавали.

Про Култ вспоминали, как про казус. Мама, **Людмила Ильинична**, рассказывала, как она не могла унять рыданий, когда узнала о смерти «Вождя народов», а отец, **Вячеслав Фёдорович**, подтрунивал над ней. А сам, когда расходился, пел под гитару, вспоминая вымаранные слова, типа: «*Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин*» (в знакомых нам с детства пырьевских «Трактористах» этих строк уже не было), а в Гимн СССР мог лукаво вставить уже не звучавший «второй куплет».

2. Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Сталин — на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

Славься, Отечество наше свободное,
Счастья народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

Слова из песни. Мы их уже не пели.

Что симптоматично, мы, молодые, особенно и не стремились узнать чего-нибудь о Сталине. Хотя и передавали друг другу что-то наивное о культе и лагерях. Но для нас Сталин уже не был значимым персонажем истории.

Из учебников «Истории СССР» и «Истории партии» его имя было уже почти полностью вычищено. Его знали в основном как персонажа Великой Отечественной войны. Главным образом благодаря кинофильмам, таким например, как «Освобождение» или «Блокада», где фигура Сталина стояла где-то за спиной прославленных военачальников вроде *Жукова*.

Но вернусь ко Дню Конституции. Уже в наше время, в 1977 году, к празднованию 60-летия Октябрьской Рево-

люции страна обрела новый Основной закон. «Брежневский» (хотя вернее – «хрущёвско-брежневский»). Праздник, перенесённый с 5 декабря на 7 октября, однако так и не стал полноценным.

Но и против никто не выступал. Народ воспринимал День Конституции как дополнительный выходной, что само по себе было радостно – и малым, и старым.

В армии в этот день солдатам-срочникам разрешалось лежать на койках и ничего не делать. Лафа!



Выборы в Верховный Совет СССР. Фойе поселкового Дома Культуры. 1970 год.



Наиболее ответственно к выборам в СССР подходили самые старшие поколения. Посёлок. 1967 год.

Вы выбирали – вас выбирали

На эти же дни часто выпадали **выборы** во всяческие Советы. Эти дни были в нашем Посёлке своеобразным сходом жителей. Люди шли голосовать, заранее сговариваясь о времени со своими друзьями-приятелями.

Многие, при этом, старались прийти на избирательный участок пораньше. Но тому были причины весьма далёкие от желания поскорей исполнить гражданский долг. Прямо на «участках» традиционно разворачивалась бойкая торговля: книжками, ширпотребом, продовольственными товарами. В том числе – дефицитными.

Так что, самые активные избиратели имели больше шансов «взять» (по случаю выборов!) какую-нибудь нехитрую докторскую колбасу, сыр, а то и маленькую баночку «бразильского кофе». До закрытия участка, понятно, всё это не залёживалось.

Но для нас, лиц, не достигших ещё избирательного возраста, самым интересным в такие дни было кино, которое весь день крутили в кинозалах. Бесплатно! Избирательные участки тогда располагались вовсе не в школах. В клубах.

Демонстрировались исключительно советские ленты, которые уже в то время стали киноклассикой. Обязательными были – «Свинарка и пастух», «Кубанские казаки», «Цирк». А ещё – «Республика ШКИД» и «Юность Максима». Фри-

вольные песенки беспризорников и маргиналов из этих картин («У кошки – четыре ноги...», «По приютам я с детства скитался...», «Где эта улица, где этот дом, где эта барышня, что я влюблён...») знал каждый уважающий себя ученик младших классов – после очередных выборов они становились особенно популярными. В кино, в такие дармовые дни, дети сидели до полного изнеможения.

Когда же нам повязывали пионерские галстуки, наше участие в днях всенародных волеизъявлений становилось более полноценным. Пионеров, попарно, ставили к урне для бюллетеней – в почётный караул. Каждому избирателю, пришедшему отдать свой голос за «нерушимый блок коммунистов и беспартийных» мы, бодро вскидывая руки в пионерском приветствии, «отдавали честь».

И я не припомню, что к этой почётной обязанности кто-то относился без должного пиетета. Напротив, в пору взросления такие «приобщения» воспринимались весьма и весьма серьёзно. Если бы отношение к своей стране у взрослых, было таким же нешуточным, как у детей – Советский Союз здравствовал бы и поныне!



Для самого младшего поколения выборы были увлекательной игрой. Посёлок. 1967 год.

Но когда приходила пора совершеннолетия, и мы становились избирателями, к избирательным урнам уже и не тянуло. Зачем? Всё ведь было ясно и так!

Единственное моё воспоминание, связанное с участием в выборах – армейское. Но в армии-то особо и не спрашивали – кто и за кого хочет голосовать, да и хочет ли. Водили строем.

В очередь!

После 5 декабря до самого Нового года праздников в советском календаре не было (если не считать отраслевого Дня энергетика – 22 декабря). В стране начиналась радостная суэта предновогодья. Время, преисполненное светлыми детскими мечтаниями о предстоящей ёлке и день ото дня длиннеющими очередями.

...Значительная часть жизни жителей СССР проходила в очередях. И это воспринималось поколениями как неизбежность. Хотя и не очень приятная, но совершенно необходимая для нормальной жизни в социалистическом обществе. Никаких массовых альтернатив такому «распределению» в стране не существовало.



«Рабочая очередь» в наш поселковый хозмаг. Женщины пришли к открытию. На всякий случай. 1960-е.

Печально? Но вот в чём парадокс. В подавляющем большинстве своём в советских очередях покорно стояли люди, во многом более счастливые, нежели пресыщенные посетители нынешних супермаркетов и торгово-развлекательных центров. Наверное, всё-таки важный посыл для счастья – не отсутствие трудностей, а возможность их преодолеть.

Очереди не кончались, но никто особо не голодал. И каждый был более-менее уверен, что завтра будет лучше, чем вчера (хотя очереди в этом «завтра», скорее всего, никуда не денутся – а как без них?).

В очередях стояли в основном женщины – наши мамы

и наши бабушки. Что-то перепадало и нам. Иногда в очереди стояли «по очереди»: кто-нибудь из резвых детей занимал, потом сменялся терпеливой бабушкой, а бабушка вечером передавала эстафету родителям, возвращавшимся с работы.



Ещё одна очередь? Нет. Свадьба! «Друзья» жениха штурмуют дом невесты. Нам тут «фейки» не нужны.

Стояли за всем — начиная от молока и овощей на зиму и заканчивая парфюмерией, шариковыми ручками, книжками и колготками. Парадоксальная советская промышленность производила огромное количество товара, который был никому не нужен. А всё то, что пользовалось мало-мальским спросом, годами пребывало в разряде дефицита.

Особая ажитация начиналась тогда, когда в магазин «завозили» что-то редкостное. То, чего не было на прилавках – сливочное масло, колбасу, мясо, шоколадные конфеты, чай, сапожки, рубашки и т. д. Или «импортное», сделанное в братской Болгарии, Чехословакии, ГДР. Очередь в отделы в этих случаях, зачастую выстраивалась раньше, чем начиналась торговля. Так, на всякий случай. Кто-то что-то у кого-то узнавал – и этого было достаточно для запуска процесса (хотя сведения далеко не всегда соответствовали действительности).



Мир без пластика. Товар в магазинах заворачивали в бумагу. В крупных – в «фирменную».

– Что дают? – этот сакраментальный вопрос-идиома звучал каждый раз, как кто-то приближался к очередному концу очередной очереди (пробиться к началу и посмотреть – «что», часто бывало проблематично).

– Да, говорят, вроде кофе растворимый будет. Бразильский!

– Бразильский? А кто – крайний-то?

– Вон мужчина...

– Вы? Я за вами!

– Тут за мной ещё трое занимали...

В то время как из хвоста доносилось это обычное: «За мной ещё трое занимали», из начала неизменно слышалось: «Женщина, вас тут не стояло!» Встречались тогда такие прожжённые специалистки, которые умудрялись «занимать место» сразу в нескольких параллельных очередях. Или дважды, а то и по несколько раз, в одной и той же. Ведь количество товара, отпускаемого «в одни руки», было строго ограничено. Разборки и скандалы сопровождали очереди непременно.



Жители СССР умели обходиться малым. Но всегда старались выглядеть достойно. Посёлок 60-х.

Однако, несмотря на перманентные эксцессы, очередь была образованием очень устойчивым и стабильным. Все стоят – и мы стоим. Возмущались не очередями, а чьим-то поведением в очереди.

Очередь в СССР, если хотите, может считаться ещё и предтечей соцсетей в современном обществе. Там находили себе друзей, там замечали своё счастье, там узнавали последние новости о том, что произошло, и о том, чего не было в принципе.



МАГАЗИН № 86

Мебель
ОБРАЗЕЦ

НАИМЕН. *Спальный гарнитур*

ПРОИЗВ. *ТДР*

АРТИКУЛ *Зена*

ЦЕНА

706 =

К-ВО ПРЕДМ. *7*

в том числе:

Шкаф д.н. 1х150.

Шкаф д.бел. 1х140.

Кровать 2х109.

Стол туалетный 1х147.

Тумбочки и прикров. 2х25⁵⁰

ТОВАРОВЕД *Каша*

709010

Наиболее дефицитные товары поступали в магазины уже проданными. Этикетка начала 1970-х.

Свою роль во всём играл не только товарный дефицит, но и ограниченность торговых площадей. В 1961 году в Алма-Ате существовало всего 8 магазинов конторы «Гастроном», 3 магазина «Горхлеботорга» и несколько «овощных». Правда, имелось множество мелких «магазинчиков» и «сарайчиков», где продавали продукты первой необходимости. Несмотря на то, что в следующем десятилетии число торговых точек значительно увеличилось, очередей меньше не стало.

О продуктах. В Союзе в те времена уже не голодали, но как только человеку требовалось что-то выходящее за рамки обыденного (к всенародно любимому Новому году такого требовалось в большом количестве!), он тут же озадачивался и начинал вертеть головой в поисках хвоста очереди. Потому что очередь была вернейшим признаком того, что «что-то дают». А изрядное количество стояльцев указывало на то, что дают что-то действительно нужное.

...Сколько же километров таких очередей приходилось выстаивать нашим родителям и бабушкам, чтобы порадовать чад и достойно встретить очередной год! В стране, в которой в те времена жили так беззаботно и безалаберно, всего всем всегда не хватало. Хотя магазины были завалены и затоварены под завязку.

Но эпоха Перестройки, когда всё это залежалое в одночасье было выметено с витрин и полок, была ещё далеко за горами.

Почтовый пакуется груз

В советские годы нашу страну буквально с самого начала декабря охватывал ещё и **эпистолярный ажиотаж**. Все вдруг вспоминали об изобилии родных и близких, разбросанных по разным уголкам необъятного Союза. И садились писать поздравления дорогим своим людям (чтобы после, весь год, со спокойной совестью не вспоминать о них вовсе). Почему так рано? А вот почему.

В огромном Советском Союзе, где **почта** оставалась наиболее важным элементом связи между людьми, самые массовые почтовые излияния граждан приходились на праздники: 8 Марта, 23 февраля, 1 Мая, 9 Мая, 7 ноября. Но больше всего писали к Новому году, который, в силу своей безыдейности и беспасфосности, стоял особняком от всего прочего и был любим всеми. Не случайно и разнообразие новогодних открыток своей сюжетной пестротой на порядок превосходило всё то, что пересылалось ко всем прочим датам.

В стране существовало два вида письменных почтовых сообщений – «простые», добирающиеся до адресата неделями по железным дорогам, автотранспортом и ещё бог знает чем, и «авиа» – их получатель в идеале получал в течение нескольких дней. Конверт для авиапочты (с красно-синим косым «бордюрчиком») был несколько дороже (7 копеек), чем обычный (5 копеек), потому многие люди, особен-

но старой закалки, предпочитали переписываться по-простому, экономя какие-то жалкие грошики, что, однако, при интенсивности тогдашних эпистолярных контактов жителей СССР могло составлять солидную сумму.

Означенные сроки доставки, понятно, относились к ординарным дням календаря. Но если земляки-алмаатинцы, например, отправляли в среднем 110 000 писем (данные 1982 года) в день, то перед новогодними праздниками этот показатель переваливал за миллион! Нагрузка на почту, транспорт, почтальонов давала о себе знать, и движение корреспонденции в эту пору значительно замедлялось. Вот почему писать поздравительные открытки начинали загодя (а получали их ещё половину января).

«Письмо писем» в такие дни становилось своеобразным семейным ритуалом, без которого не мыслилось полноценное пришествие Нового года. В стране всеобщей грамотности, в которую превратился Союз к 1960-м годам, писали все. Бабушки и дедушки, папы и мамы, дяди и тётки, братья и сестры. Каждого из своих отпрысков родители приучали к эпистолярной деятельности сразу, как только школа учила его писать.

С Новым
годом!



Новогодняя открытка из прошлого. 1979 год.

...На первый взгляд причина вымирания малых эпистолярных форм – бурная компьютеризация нашего быта и мышления. Действительно, зачем нерационально тратить время на покупку открыток, выдумывание текстов и поиск синего почтового ящика, когда всё это делается ныне несколькими тычками по экрану смартфона и щелчком «мышки» компьютера?

Однако истинная причина исчезновения камерно-почтового жанра мне видится не в технологиях. За прошедшие десятилетия мы сами изменились настолько, что, доведись кому встретиться с собой прежним – не факт, что признал бы! И если раньше мы писали и отписывали всем адресатам с тем лишь, чтобы заверить, что всё по-прежнему, всё незаблемо, живы, мол, здоровы и вам того же, словом – заряжали друг друга бодростью и поддерживали оптимизмом, то теперь так не получается. Шаг через ту временную грань, эпоху всеобщего зубовного скрежета, когда любая попытка общения влекла стандартный пакет негатива на голову визави, сильно поубавила желание общества общаться и откровенничать в прежнем формате. Кому нужен дополнительный ворох проблем, неразрешимых в принципе?

...Вспомнить о тех **почтовых открытках**, которые весь XX век – неиссякаемым потоком текли между городами и весями, связывали любимых, друзей, родственников, едва

знакомых, романтических приятелей, сослуживцев, соучеников и солагерников, – может каждый. Кто только не повывбрасывал по глупости «старых писем» при очередной генеральной уборке.

А тот, кто помнит, как «звучит» написанное письмо, «опущенное» в ближайший почтовый ящик, наверняка вспомнит и ту перемену «тональности» переполненного ящика перед Новым годом! Случалось, что засунуть свою корреспонденцию в прорезь было проблематично.

Почтальон – он?

Понятно, что одной из важнейших и узнаваемых (и долгожданных) фигур того времени был почтальон. Вернее, **почтальонша** – в СССР эта тяжёлая профессия была отдана в женские руки.



«Толстая сумка». Посёлок. 1966 год.

Советская письмоносица («с толстой сумкой на плече») знала в лицо каждого, кому разносила почту. Так что ча-

сто корреспонденция переходила из заветной сумки в руки случайно встреченного адресата «по дороге». Но в свой почтовый ящик все всё равно заглядывали по несколько раз на день.

Раньше каждый знал номер своего почтового отделения не хуже, чем собственный адрес или домашний телефон. «Алма-Ата 82» – почтовое название нашего Посёлка и тот адрес, на который приходили корреспонденции не только со всех концов Союза, но даже и из-за границы. Своеобразный код, до сих пор хранящийся в памяти многих.



«Алма-Ата 82». Почтовое отделение.

Любому советскому жителю название его почтового отде-

ления было знакомо сызмальства ещё и потому, что каждого из нас родители приучали к «почтовой культуре» сразу, как только школа выучивала нас писать. По крайней мере в том эпистолярном потоке, который несколько раз в году захлёстывал и 82-е почтовое отделение, и всю «Почту СССР», были и наши капельки.

И потом, поразъехавшись по Союзу после окончания школы, все мы продолжали держать связь с домом через ту же почту. «Алма-Ату 82». Присылая домой открытки-поздравления, телеграммы-молнии («Скучаю шлите деньги») и письма-отчёты, получая обратно денежные переводы, продуктовые посылки с яблоками и ценные бандероли с тёплыми носками.

Отсюда же, с почты, осуществлялись междугородние звонки. Для них были оборудованы две кабинки со стеклянными дверями. И хотя наши поселковые дома и квартиры были почти сплошь телефонизированы, многие предпочитали звонить с почты – здесь, среди прочих, бесконечное время ожидания звонка тянулось не так фатально.

На почте подписывались на любимую периодику – «Пионерскую правду», «Юный натуралист», «Юный техник», «Моделист-конструктор». И даже умудрялись пополнять свои филателистические коллекции и собрания открыток.

Ну, а на этих снимках – школьная экскурсия на почту. Наше почтовое отделение, кстати, доселе сохранило своё место в том же самом помещении, на первом этаже здания Поссо-

вета (а ныне – акимата), где и появилась в самом начале своего существования. Время же съёмок, предположительно, год 1967—68. Школяры – класс моей сестры Ляли.

Когда все дети знали, кем станут повзрослев

В Советском Союзе не было презренных профессий. Это считалось принципом основополагающим. Хотя пролетарии, особенно расслабившись после работы, ругали интеллигентов, а интеллигенция посмеивалась над колхозниками. Но всё это без злобы и последствий.

Так что на курорте в Крыму или в Пицунде в одном номере могли, например, запросто поселить профессора из МГУ и сантехника из Свердловска. А в другом – чабана из Джамбульской области и мелкого партработника из Латвии.

Это потому, что для всех для них действовали равные социальные гарантии и одинаковые профсоюзные льготы. В те коммунальные времена в гостиницах, санаториях и домах отдыха к тому же практически отсутствовали варианты одномоментного расселения, и любому отдыхающему-одиночке предстояла неизбежная лотерея сожительства с незнакомцем.



Над нашей школой шефствовали физические институты в которых работали наши родители. Одна из лабораторий ИЯФа. 1968 год.

В СССР полагали, по крайней мере официально, что человек труда – ценен сам по себе. И нет разницы, где он работает. Главное, что работа у него есть, и самое важное, как он с ней справляется.

Потому и в наших школах в те времена практиковались регулярные экскурсии туда, где работали наши родители. Или же просто – на ближайшие производства. Тем более, что у каждой советской школы был обязательно свой «шеф» – какое-нибудь рядом стоящее предприятие.

Во время этих экскурсий можно было не только узнать, но и пощупать взрослую жизнь, соприкоснуться с тем, что ещё только маячило на дальней периферии твоей начинающейся биографии. И, скажу по себе, это были увлекательнейшие моменты практического миропознания!



Объектами школьных экскурсий часто бывали и различные музеи. Автор с одноклассниками. Лена Жукова, Эдик Боос, Таня Трухачёва.

Открытие окружающего мира всегда завораживает любого нормального ребёнка. Когда же всё ещё можно потрогать собственными руками и взрослые не кричат тебе то и дело «не лезь!», «упадёшь!», «отойди подальше!», а напротив, позволяют побыть немножко с ними на равных, чего-то по-

крутить, чего-то понять, осознать значение рабочего места, словом, поприисутствовать в их взрослой жизни – это притягивало вдвойне.

Неслучайно каждая такая **школьная экскурсия на производство** была для нас маленьким праздником. Куда бы она ни направлялась – на ближайшую автобазу, или на строительство Капчагайской ГЭС.

Помню, как в начальных классах нас знакомили с «мех-мастерскими», которые находились в закрытой зоне Института ядерной физики. Огромные станки, мостовые краны, двигавшиеся по рельсам под потолком, звуки работающей техники, запахи химикатов и смазок – всё это произвело должное впечатление. А особенно – электролитическая ванна, в которую погружали какие-то обрезки и детали, покрывая их поверхность блестящим слоем металла.



Орденосный «Табаксовхоз». Ещё одно хорошо

знакомое предприятие. 1960-е.

Однако не меньше порадовало и посещение коровника «на бригаде» ближайшего совхоза имени Панфилова. Где на наших глазах добрые тёточки в белых халатах (в теоретически белых) не только кормили и поили, но ещё и доили флегматичных бурёнок. И тут же потчевали нас, юных экскурсантов, пенистым парным молоком. Оттуда в памяти засело патриархальное мычание коров, смачное трумканье молочных струй по стенкам цинкового ведра, запах свежего сена и ещё более свежего навоза.

...А одна из последних школьных экскурсий, в которой мне довелось поучаствовать, случилась уже после окончания школы, когда я, ленинградский студент, на выходные мотался ночными поездами в Таллин, где жила моя подруга, ещё не окончившая свой десятый класс. Однажды она сделала мне предложение, от которого я не смог отказаться. Раствориться среди её одноклассников и вместе с ними пройти экскурсией по цехам знаменитой кондитерской фабрики «Калев», работавшей в те годы в основном на экспорт.

От посещения эстонского конфетного гиганта осталось чувство гордости за качество советской продукции, которой мы не видели на прилавках, и... Глубокое отвращение к шоколаду, на который я не мог смотреть без содрогания несколько месяцев! На фабрике нам разрешили пробовать всё, что только текло по конвейерам, но с условием, что ни

одна конфетка не будет вынесена за проходную.

Предновогодняя пора: когда хлопоты в радость, а не в тягость

В СССР не начинали ставить ёлки на площадях и в витринах с конца осени. Рабочие будни тянулись буквально до самого праздника. Что не мешало людям испытывать радостное волнение в предвкушении Нового года.

Если я скажу, что в бытность СССР любимым праздником были вовсе не Первомай и 7 ноября, а Новый год, то это может стать открытием лишь для тех, кто Советского Союза не нюхивал. Кто жил и рос в Его времена, тому ничего объяснять не нужно. А потому приятнее просто вспомнить о приятном. И самом приятном.

Итак, к празднику праздников начинали готовиться загодя. Недели за две, за три. Во-первых, нужно было сотворить достойный новогодний стол. Для этого предстояло отстоять не одну очередь, изрядно помять бока и помотать нервы. Но всё это воспринималось простодушными строителями коммунизма как данность и лишь усугубляло мечтания по поводу общества, в котором будет «каждому по потребностям».



В ожидании Деда Мороза. Детский садик Посёлка. Середина 60-х.

Культовый фильм *Эльдара Рязанов* «Ирония судьбы» навсегда отпечатал в социальной памяти поколений новогоднюю атмосферу 1970-х годов. То что действие фильма, в котором важное место занимает достойное застолье, проистекало в СССР, может подвигнуть юных вскормленников интернет-сетей, переначитавшихся злобненьких комментариев «специалистов», к мнению, что это лишь кино, а на самом деле всё было вовсе не так.

Но что было, то и было.

И мясо, и рыбу, и консервированные шпроты, и колба-

су, и сыр, и шампанское, и шоколадные конфеты, и апельсины, и многое другое в Советском Союзе приходилось «доставать». И запастись в холодильниках и закатниках задолго до праздника (конфеты – особенно тщательно оберегать от детей, а спиртное – от отцов!).

Однако во многом благодаря этому самому дефициту у жителей той эпохи не наблюдалось никакой вьевшейся в душу и плоть перенасыщенности, которая, как ничто другое, убивает в человеке радость простого вкушения вкусной пищи. Новогодний стол всё равно неизменно ломился от яств и напитков. И уже потому новогодний праздник так сильно отличался от будних дней!



Посёлок зимой 1966—67 года. Снимок сделан с крыши школы.

Чего точно не было в Союзе, так это закупок в фаст-

фудах и доставки готовых блюд из ресторанов и пиццерий. Полуфабрикаты в магазинах продавали, но их тогда не считали полноценными кушаньями, достойными праздника. Не встречал никого, кто бы в 70-е сервировал новогодний стол блюдами, купленными в какой-нибудь «кулинарии». Даже непритязательные студенты старались украсить торжество какой-нибудь непременно «авторской» стряпнёй.

Что до хозяек, то для них приготовление к Новому году было моментом истины, делом чести, но и звёздным часом. «Достать продукты» было полдела. Их ещё нужно было приготовить – так, чтобы не разочаровать участников долгожданного застолья.



А такой была в ту аномальную зиму Алма-Ата. В Кафедральном соборе ещё помещался музей.

К слову сказать, для большинства советских хозяек кули-

нарная состоятельность не являла большой проблемой. Готовить умели все. А многие умели готовить вкусно. Рецептура праздничных блюд передавалась от мам дочкам, переписывалась на листках и в тетрадках подругами и искушёнными родственницами (приведённые ниже записки сохранились у меня от бабушки *Лидии Владимировны Михайловой*). И стряпались из года в год (из Нового года в Новый год!) с консервативной последовательностью, без особых изысков и новаций.

Пришествие Наполеона

1970-е годы, кстати, могли считаться в каком-то смысле знаменательными – они принесли с собой значительные перемены в традиционное новогоднее меню. Уходили (не в прошлое, правда, – на второй план) всякие винегреты, пироги и жирное жаркое. Приходили: оливье, мясо по-французски, заварные пирожные.

Для меня 70-е были вдвойне переходными – заканчивалось детство, начиналась юность. Однако радость изобилия новогоднего стола оставалась неизменной, а удовольствие от вкушения праздничной трапезы – ожидаемым. Годы текли, но праздник оставался праздником.



Так выглядел торт «Поленница». Его готовили уже не бабушки, а внуки. 1980 год.

...Из новогодних яств детства особенно запал в память «Наполеон», который моя бабушка **Елена Николаевна Рыгало** начинала готовить, как минимум, дня за три. Это был стопроцентно полноценный торт, далёкий от маломальского сопряжения с понятием здорового питания. Вначале бабушка выпекала по одному ломкие коржи, затем долго взбивала крем (ложкой!) – не какой-нибудь полезный, а настоящий, ужасно калорийный и необыкновенно вкусный, на всё уходило не меньше килограмма сливочного масла, столько же сахара и с десяток яиц. После приготовления торт должен был ещё и отстояться пару дней на холоде, дабы «пропитать-

ся».

Что и говорить, вытерпеть весь процесс до конца было выше сил, и гуманная бабушка, уступая непрерывному нытью, в конце концов подходила к «неготовому» торту и срезала смачные полосы от закраин. О, это действительно был Наполеон! Настоящий на 100%! Сравнить его с тем, что ныне выдаётся за таковое, – так же корректно, как ставить «быструю» китайскую лапшу «Давай! Давай!» рядом с домашним борщом или настоящими пельменями (сготовленными из трёх видов мяса).



Лепка пельменей. Матушка Людмила Ильинична

и тётушка Ольга Кузьминична Линчевская.

Пельмени, кстати, оставались ещё одним неизменным новогодним блюдом тех лет, но они больше радовали взрослых и... нас, но по мере взросления. Пельмени, разумеется, также делали своими руками, что составляло ещё один своеобразный предпраздничный ритуал, в котором часто принимали участие не только хозяева, но и заранее пришедшие гости.

Позже, правда, на смену пельменям стали приходить манты (в Казахстане, по крайней мере). Их массовое явление, скорее всего, было связано с тем, что наша тяжёлая на подъём промышленность наладила серийное производство доступных касканов-мантоварок.

«Оливье» и пр.

Что до пресловутого оливье, то он прокрался в нашу жизнь как-то вкрадчиво и незаметно, пока мы оканчивали школу. Вместе с сельдью под шубой, хе (из варёной говядины с капустой), профитролями и прочими вкусностями, которые с таким азартом перенимали друг у друга наши мамы. На ранних же этапах всё это разнообразие замещал и уравнишивал традиционный винегрет, который почему-то приготавливали не иначе, как в эмалированных тазиках разных размеров.



Праздник в Доме учёных. Татьяна Андреевна Чер-

няева. 31 декабря 1966 года.

Да, чуть не забыл про холодец! Новогодняя трапеза без холодца была немыслима в те годы так же, как наступление самого Нового года без боя курантов Спасской башни. В холодце также небезынтересным (для некоторых) был неспешный процесс приготовления, ещё одно волшебное действо накануне праздника. Особенно тот пиковый момент, когда после многочасового вываривания (запах которого тут и там вырывался из тесных кухонь квартир на просторы предпраздничных улиц) мамы и бабушки начинали «разбирать кости».



Семейный вариант новогоднего застолья. Наши родственники из Чернигова к бою курантов готовы.

Фоновыми закусками советского новогоднего стола были всякие рыбные консервы (если удавалось достать – шпроты), баклажанная икра, сливочное масло, сыр, колбаса, сало, курятина, соленья (помидоры, огурцы, капуста), салаты и всё прочее из того неприкосновенного запаса, который терпеливо сохранялся до праздника. Ещё на новогоднем столе, конечно же, присутствовало обязательное горячее, которое подавалось где-то часа в 3—4, между закусками, но перед пельменями. Обычно – какое-нибудь жаркое.



«Без шампанского праздник не обходился.» Дом учёных Посёлка. 31 декабря 1966 года.

Как правило, даже при самом разнузданном гаргантюазме и откровенном пантагрюэльстве участников праздничного застолья, съесть всё приготовленное за одну ночь никогда не удавалось. Так что к вечеру 1 января гости опять сползались (если были в состоянии) в дом встречи Нового года – «доедать» (в противном случае это приходилось делать самим хозяевам). Тем более что в силу изобилия участники ночного застолья не всегда добирались до сладкого (если, конечно, они уже вышли из детского возраста).

А как же «заливная рыба»? Про заливную рыбу знали все. Но – после выхода на экраны рязановского фильма. Честно говоря, мне на новогодних столах 70-х годов она на глаза не попадалась. Что в Алма-Ате, что в Ленинграде. Но это не значит, что она отсутствовала в новогоднем меню вообще. В бабушкиных рецептах она обнаружилась.

Ещё одним блюдом, которое как-то не прижилось на праздничных столах, была утка. И это, несмотря на то, что утятина в те годы всегда назойливо маячила на витринах гастрономов и была даже дешевле, чем курятина (её в витринах не было).



Мужчины в предвкушении вкушения. ДУ. 31 декабря 1966 года.

И – в заключение. Ни одно новогоднее застолье в СССР не обходилось без спиртного. А вот со спиртным особого недостатка в советских магазинах не было до самой Пере-

стройки. Вино (для женщин) и водка (для мужчин) стояли на украшенном столе всегда. Коньяк считался несколько более изысканным и редким. Без шампанского праздник не обходился.

Шампанское откупоривали дважды. При наступлении Нового года в своём часовом поясе. И «по Москве» (для алма-тинцев – в три часа ночи). Но об этом – ниже.

«Заливная рыба», «заварное тесто» и прочая классика жанра

Вот несколько «новогодних» рецептов, обнаруженных в тетрадке бабушки *Лидии Владимировны Михайловой*.

«Заливной судак».

Очищенного и вымытого судака нарезать на куски. Кости, голову без жабр, зачистки и икру сложить в кастрюлю, прибавить коренья, лук, соль, лавровый лист (2—3 листа), залить водой и поставить варить. Через 15 – 20 минут в эту же кастрюлю положить для варки куски судака. Когда куски рыбы будут готовы, вынуть их шумовкой и уложить на блюдо в форме целой рыбы, но с промежутками между кусочками и поставить блюдо в холодное место. Получившийся от варки рыбы бульон слить и приготовить 2½ стакана желе, для чего растворить в нём размоченную желатинку, вскипятить и процедить через салфетку. Каждый кусочек судака украсить ломтиками лимона, моркови, нарезанной в виде звёздочек, листиком зелени и залить полученной смесью в 2- 3 приёма, чтобы украшения не сдвинулись с места, а куски судака были залиты желе. Блюдо держать в холодном месте, пока желе не застынет.

На 1 судака (1000—1200 г) 10—12 г желатина, по 1 шт. кореньев и головку лука».

Гесочники

250 гр. маргарина

1 св. кислого молока

0.5 стакана сахара

1 желток

изюмную соду, много
соды, тесто месить
густое. Вырезать стаканом
обмакивая в белок и
сахарный песок и класть
на лист.

Пирог

400 гр. маргарина

0.5 св. сахара

50 гр. сухих дрожжей

месить как обычно
тесто.

Заводить за час до
посадки в печь.

Бабушкины записки.

«Заварное тесто.

3 стакана воды, щепотку соли, 1,5 стакана топлёного масла, всё это вскипятить, взять три стакана муки, муку всыпать понемногу и мешать на горячем тесте до тех пор, пока масса будет хорошо отставать от кастрюли. После чего кастрюлю с огня снять и вбивать по одному 12 яиц, хорошо размешивая, после чего тесто кладётся ложкой на хорошо смазанный лист и печётся не в жаркой печке.»

Место для Горьки.

1ст. молока

1ст. яичн. порошка

1/2 рюмки водки (или
снуда)

2стол. ложки сахара

1куп. первого сортной... муки
соли не много

варить на хлопковом масле 1/2 часа

книжка
мол. муку с сахаром
не переваривать, чтобы не
поднялось и не потемнело

Забытые рецепты.

«Заварной крем.

Яйца, или яичные желтки растереть с сахаром, прибавить муку, перемешать, развести массу холодным молоком, а затем поставить на огонь и варить помешивая, чтобы не пригорело, когда закипит снять с огня и прибавить ванилин, хорошенько перемешать чтобы не было комочков и не образовалась корка при охлаждении.

На $\frac{1}{2}$ литра молока 4 яйца или 5 желтков, 1 стакан сахара, 2 ст. ложки муки $\frac{1}{4}$ порошка ванилина.»



Всё приготовленное предстояло съесть за одну ночь. 1981 год. Мои друзья: Ира Локтионова, Толик Виноцкий, Андрей Локтионов, Володя Шахов.

«Беф-строганов.

Мясо вымыть, нарезать кусочками, отбить, после чего мелко нарезать «соломкой». Репчатый лук нашинковать и поджарить на масле, после чего положить в него мелко нарезанное мясо, предварительно посоленное и поперчённое и жарить 5 – 6 минут помешивая вилкой. Затем мясо

посыпать мукой, хорошенько перемешать и жарить ещё 2 – 3 минуты. Добавить сметану. После чего добавить соус «Южный». На гарнир можно дать жареный картофель. Всё посыпать укропом или петрушкой.

На 500 грамм мяса – один килограмм картофеля, $\frac{3}{4}$ стакана сметаны, 1 столовую ложку соуса «Южный», 2 головки лука, 1 ст. ложку муки.»

«Жареный поросёнок.

Ошпаренного поросёнка вытереть насухо полотенцем, слегка натереть мукой в тех местах, где осталась щетина, и опалить на огне. Брюшко и грудную часть разрезать вдоль, по направлению от хвоста к голове, вынуть внутренности, удалить толстую кишку, надрубив для этого тазовую кость, после чего поросёнка тщательно промыть в холодной воде. Позвоночную кость в области шеи разрубить вдоль. Поросянка посолить с внутренней стороны, положить на закрытый лист спинкой вверх, слегка смазать сметаной, полить маслом, на лист налить $\frac{1}{4}$ стакана воды и жарить 1 – 1½ часа. Время от времени поросёнка нужно поливать из листа жиром. Когда будет готов можно подавать с гречневой кашей, жареным картофелем и обязательно с хреном.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.